

УДК 165.12

ФИЛОСОФ-РЕВОЛЮЦИОНЕР: МОТИВ ОСВОБОЖДЕНИЯ В ПЛАТОНОВСКОМ МИФЕ О ПЕЩЕРЕ

К.В. Кондратьев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются два ключевых мотива мифа о пещере, изложенного в труде «Государство» Платона: мотив освобождения и мотив просвещенности. Выделяются несколько стадий просвещения, описываемых в тексте, а также их соотношение с состоянием свободы. Рассматривается гипотеза о том, что финальная стадия просвещения, когда узник выходит из пещеры в подлинную реальность, в действительности является лишь новой формой заключения. Узник попадает в новую пещеру большего масштаба, поэтому подлинная реальность так и остается для него недостижимой. В данной ситуации некритичное принятие новой реальности в качестве подлинной не только не освобождает, но, напротив, означает еще большую степень несвободы. Подлинное освобождение оказывается доступно узнику только в момент осознания неподлинности его предшествующей реальности.

Ключевые слова: просвещенность, освобождение, реальность, иллюзия, изменение состояния знания

Вероятно, не будет ошибкой утверждать, что одним из самых знаменитых философских текстов античной философии является «Государство» Платона, а один из наиболее известных отрывков этого текста – начало VII книги, где излагается миф или притча об узниках, заключенных в пещере. Как правило, данный отрывок используется в качестве иллюстрации к платоновской теории идей: пещера символизирует неподлинный материальный мир, который представляет собой не что иное, как тень подлинного идеального мира. Более пристальное рассмотрение указанного текста, однако, демонстрирует явную неполноту и ограниченность подобной интерпретации. Поразительно, что в этом случае мы вводим в текст темы, практически отсутствующие в нем в явном виде – термин «идея» в отрывке возникает только в самом конце, одновременно мы практически игнорируем существенные мотивы, совершенно явно и недвусмысленно обсуждаемые самим Платоном. По нашему представлению, данный текст содержит два ключевых мотива – это мотив «просвещенности» и мотив «освобождения».

Фабула самого мифа в целом хорошо известна: в пещере живут некие узники, прикованные к стене так, что не могут ни двинуться, ни встать, ни даже повернуть головы. Перед собой они видят стену пещеры, по которой пробегают

тени от неких предметов, проносимых за их спинами таким образом, что узники не могут видеть самих предметов, а также не видят и источника света, расположенного еще выше. Они видят только тени, и, поскольку за всю свою жизнь не видели ничего другого, именно эти тени они и принимают за единственную (и подлинную) реальность. Узники находятся на первом, самом низшем уровне мудрости или просвещенности, однако их нельзя назвать вовсе не просвещенными. Платон указывает на некоторую форму науки, которая могла бы быть присуща узникам: «...Они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при *наблюдении* текущих мимо предметов и лучше других *запоминал*, что обычно появляется сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании *предсказывал* (курсив наш. – К.К.) грядущее...» [1, с. 889]. Как мы видим, называются три возможные формы получения такого знания: чувственное наблюдение, память и прогнозирование на основе уже имеющихся наблюдений. Однако Платона нисколько не интересует такой вид знания, ибо очевидно, что данная «премудрость» ему представляется совершенно бессмысленной, а изменение состояния знания он называет не иначе, как «освобождение от оков неразумия и исцеление от него» [1, с. 888]. Следует помнить, что мотив освобождения как исцеления и, следовательно, несвободы как болезни играл весьма важную роль в творчестве Платона, а также, судя по всему, и его учителя – Сократа. Примером может служить часто цитируемое окончание диалога «Федон», в котором последними словами умирающего Сократа становится обращение к Критону: «Мы должны Асклепию петуха, не забудьте же отдать!» [2, с. 87] Собственную смерть философ рассматривает как своего рода исцеление, за которое его ученики должны принести жертву богу врачевания – Асклепию. Как же происходит это освобождение/исцеление, и в чем именно оно заключается?

Платон описывает освобождение узника следующим образом: «Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх – в сторону света, ему будет мучительно выполнять всё это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше» [1, с. 888]. Обратим внимание на одну странность: неизвестно, кто и по какой причине снимает оковы с узника. Этот безликий и безымянный «кто-то», однако, весьма настойчив: он направляет своего подопечного и верховодит им, *заставляет* его делать то, что должно способствовать его просвещению.

Что же именно изменяется в состоянии просвещенности нашего узника? В духе зрительных метафор, используемых греческим философом, – свет, отражения, тени – скажем, что изменение заключается в расширении взгляда узника: ему видно больше, чем раньше. Раньше он видел только тени, а теперь он может взглянуть вокруг и увидеть и тени, и узников, и верхнюю дорогу, по которой проносят предметы – источники теней.

Приглядимся повнимательнее к тем предметам, которые изначально не видели прикованные узники, но которые теперь стали доступны для созерцания освободившемуся. Платон описывает их следующим образом: «За этой стеной другие люди несут различную *утварь*, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и *статуи*, и всяческие *изображения* (курсив наш. – К.К.) живых

существ, сделанные из камня и дерева» [1, с. 888]. Странность этого описания не может не бросаться в глаза: почему люди за ширмой несут лишь *изображения* живых существ, но *не сами эти вещи*?¹ Изменится ли на самом деле состояние просвещенности нашего узника, если он решит, что именно эти вещи представляет подлинный мир в противоположность теням, которые он видел до сих пор?

Могут ли считаться изображения живых существ и хозяйственная утварь действительно подлинной реальностью? Возможно, эти вещи более подлинные, чем тени на стене, однако, если сравнивать их с природными вещами, различие будет не так велико. Вспомним также, что Платон отрицательно относился к изобразительному искусству, называя изображения материальных вещей «тенью теней» (см. [1, с. 949–960]). Можно задаться вопросом, а знают ли люди, которые несут эти предметы перед огнем, что они несут лишь изображения, а не настоящие вещи? Если им это не известно, тогда они мало отличаются от узников, хотя их положение на «лестнице просвещения» и кажется более высоким.

Таким образом, движение просвещения содержит в себе не только развитие, но и существенную опасность: принять за истину то, что в действительности таковой не является. Представим себе, что наш освободившийся узник не будет выходить за пределы пещеры, а останется внутри и начнет убеждать своих соратников, что подлинная реальность находится именно в верхней дороге. Вероятно, вскоре все они присоединятся к людям, которые ходят наверху, и включатся в тот же самый механизм в роли актеров «театра теней». Скорее всего, они станут кичиться своим новым положением и насмехаться над новыми узниками, для которых сами уже будут устраивать представление. Очевидно, что при этом они повинны в том же самом грехе, в котором обвиняются с самого начала узники, – невежестве, которое не знает о самом себе. А в некотором смысле их невежество окажется даже более глубоким: ведь, уже испытав просвещение, они будут уверены, что искомая цель достигнута. «Истина уже найдена нами», – обязательно скажут они и заморгают (см. [4], особенно с. 14–17).

Спасением кажется выход из пещеры, и, разумеется, с точки зрения Платона, так дело и обстоит. Именно снаружи пещеры располагается подлинный мир – мир идей, который является образцом и для вещей, переносимых на «верхней дороге», и опосредованно для теней, которые видят узники. Но после того, как мы уже однажды ошиблись, нас вновь одолевает сомнение: что, если в действительности это не так? Что, если деревья – это лишь раскрашенные макеты, озера – искусственные пруды, а животные и птицы – лишь искусные имитации, цель которых – запутать нашего несчастного узника? Что, если даже Солнце в небе, которое для Платона служит метафорой высшей идеи Блага, тоже является лишь огромным фонарем, ведь и в пещере свет имел *искусственное* происхождение: «Люди обращены спиной к свету, исходящему от *огня* (курсив наш. – К.К.), который горит далеко в вышине...» [1, с. 888]. И здесь мы можем

¹ На важность этого момента указывал М. Хайдеггер в известной статье, посвященной Платону (см. [3]). В частности, в одном из примечаний к статье указывается, что «едва ли случайное у Платона созвучие заставляет понимать *σκεῦα*, хозяйственную и художественную утварь, проносимую за спинами узников, в связи со *σκιάς*, “теньями”, ослабленными отражениями настоящих вещей» [3, с. 434].

вспомнить о том загадочном «некто», освободившем нашего узника: что, если его мотивы состоят вовсе не в бескорыстной помощи отчаявшимся узникам? Что, если освобождение, задуманное безымянным «некто», является исключительно *мнимым*, его подлинная цель – обмануть узника, показав ему только отблеск истины и тут же заслонив ее новой имитацией, новой *тенью*?²

Разумеется, мы вовсе не хотим сказать, что Платон подразумевал в своем мифе столь зловещий подтекст. Но отрицать того, что сама логика мнимого освобождения в данной истории присутствует, не приходится, мы всего лишь развиваем ее, распространив за пределы пещеры. Что, если никакой области «вне» не существует, и узник просто выходит в новую пещеру еще большего размера? Значит ли это, что никакого освобождения от неразумия не существует? Несмотря на всё сказанное выше, такой безрадостный вывод видится нам чересчур поспешным.

Сначала нам следует более точно определить отношение между степенью просвещенности и освобождением. Почему именно просвещенность ведет от оков к свободе? Сам Платон не уделяет этому вопросу должного внимания, так как для него ответ слишком очевиден: просвещенность означает степень приближенности человека к бытию, которое суть Благо [1, с. 890–891]. Однако если принять наше предположение о том, что мир за пределами пещеры такой же неподлинный и искусственный, как и внутри, тогда подобная связь становится уже не столь однозначной: в переходе из одного неподлинного мира в другой отсутствует всякое Благо. Значит ли это, что освобождение из данного заколдованного круга не представляется возможным?

Несмотря ни на что, просвещенность узника, который вышел из пещеры, все же повышается: даже если он не приходит к подлинной реальности, он узнает, что предшествующая реальность *в действительности не подлинная*. Новое знание оказывается скорее отрицательным, критическим: оно о том, чего узник на самом деле не знал. Нетрудно заметить здесь полное сходство с задачей философской жизни Сократа – борьбой с не ведающим о себе незнанием. В чем освобождающая роль такой борьбы? Состояние сознания человека, который не знает о собственном незнании, определяется исключительно внешними обстоятельствами: традицией, средой, стереотипами, – и в то же время сам этот человек считает себя единственным автором собственного мышления и актором собственной жизни. Только увидев возможность альтернативы, возможность мыслить иначе, человек сможет задуматься об основаниях привычного ему мышления, а значит, стать действительным субъектом собственной мысли. Никто не может гарантировать ему, что тем самым он автоматически достигнет истины, которая суть Благо, напротив, как раз такая гарантия со стороны какого-либо иного «просвещенного» (именно такую роль, судя по всему, Платон назначал правителям-философам своего идеального государства) закрывает

² В такой интерпретации классического мифа можно проследить явную связь с сюжетами научно-фантастических фильмов последних двух десятилетий. Тема перехода из одной реальности в другую, более подлинную по сравнению с первоначальной, рассматривалась во многих фильмах конца 90-х годов XX в., таких как «Шоу Трумана» (1998), «Матрица» (1999) или «Тринадцатый этаж» (1999). Что касается философии, большую известность получила гипотеза симуляции, аргументы в пользу которой рассматривались в статье Н. Бострома (см. [5]).

возможность подлинного освобождения – вместо просвещения несчастного узника лишь переводят из одной пещеры в другую.

Таким образом, освобождающее просвещение оказывается возможным даже в той ситуации, когда ни о какой окончательно подлинной реальности не приходится говорить: в тот момент, когда узник оборачивается от теней к их источнику, он осознает тени именно в качестве теней и тем самым овладевает свободой. Здесь даже теряет значение тот факт, что его освободитель, по нашему предположению, стремится обмануть узника другой столь же неподлинной реальностью: всего лишь показав тому разницу между подлинной и неподлинной реальностью, он помимо собственной воли освободил его, и теперь уже исключительно от самого освободившегося зависит, сможет ли он грамотно распорядиться собственной свободой или воспользуется ею лишь для выбора новой формы рабства.

Литература

1. *Платон. Государство* // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2013. – С. 748–971.
2. *Платон. Федон* // Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2013. – С. 44–88.
3. *Хайдеггер М. Учение Платона об истине* // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 345–361, примеч. С. 407–437.
4. *Ницше Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого* – М.: Мартин, 2005. – 416 с.
5. *Bostrom N. Are We Living in a Computer Simulation?* // *The Philosophical Quarterly*. – 2003. – V. 53, No 211. – P. 243–255.

Поступила в редакцию
12.04.18

Кондратьев Константин Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: kons-kondrat@yandex.ru

A Revolutionary Philosopher: A Theme of Liberation in Plato's "Allegory of the Cave"*K.V. Kondratiev**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: kons-kondrat@yandex.ru*

Received April 12, 2018

Abstract

In this paper, we consider the "Allegory of the Cave" – a well-known part of the "Republic" by Plato. However, the conventional interpretation of this fragment – the image of Plato's form theory – does not regard themes, which Plato clearly remarks as principal. The paper discusses the image of "liberation" in its relation to the image of "education". The aim of the study is to determine the relations between the stages of education and the conversion of knowledge condition. The main method of the study is hermeneutic analysis of the original text and modification of the interpretative context. In the course of study, we have identified the following stages of education: 1) chained prisoners; 2) people, who take utensils and images at the upper road; 3) liberated prisoners; 4) a person, who liberates the prisoner; 5) the prisoner, who gets out from the cave. All of these stages of education are related to the stages of knowledge, but we should not consider its conversion in the sense of gradual increase: in fact, during these changes not only knowledge can be declined, but also the transit from the first false reality image to another one is possible. It has been suggested that the prisoner does not gain true liberation outside the cave, but rather falls to another phantom reality, larger than the previous one. It has been concluded that the only possibility of education growth and conversion of the knowledge stage is the moment of transit from one cave to another one.

Keywords: education, liberation, reality, phantom, conversion of knowledge stage

References

1. Plato Republic. In: *Platon. Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Plato. A Complete Set of Works in One Volume]. Moscow, Al'fa-Kniga, 2013, pp. 748–971. (In Russian)
2. Plato Phaedo. In: *Platon. Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Plato. A Complete Set of Works in One Volume]. Moscow, Al'fa-Kniga, 2013, pp. 44–88. (In Russian)
3. Heidegger M. Plato's Doctrine of Truth. In: Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Papers and Speeches]. Moscow, Respublika, 1993, pp. 345–361, note: pp. 407–437. (In Russian)
4. Nietzsche F. *Tak govoril Zarathustra: kniga dlya vsekh i ni dlya kogo* [Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None]. Moscow, Martin, 2005. 416 p. (In Russian)
5. Bostrom N. Are we living in a computer simulation? *The Philosophical Quarterly*, 2003, vol. 53, no. 211, pp. 243–255.

Для цитирования: Кондратьев К.В. Философ-революционер: мотив освобождения в платоновском мифе о пещере // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 4. – С. 971–976.

For citation: Kondratiev K.V. A revolutionary philosopher: A theme of liberation in Plato's "Allegory of the Cave". *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 4, pp. 971–976. (In Russian)